

-
6. *Leont'ev A. N.* O putjah issledovanija vosprijatija // *Vosprijatie dejstvitel'nosti* / Pod red. prof. A. N. Leont'eva. M.: Izd-vo MGU, 1976. S. 3–27.
7. *Lurija A. R.* Jazyk i soznanie. 2-e izd. / Pod red. E. D. Homskoj. M.: MGU, 1998. 336 s.
8. *Mamardashvili M.* Vvedenie v filosofiju, ili To zhe samoe, no v svjazi s romanom Prusta «V poiskah utrachenogo vremeni» // *Iskusstvo kino*. 1993. № 2. S. 93–98.
9. *Potebnja A. A.* Mysl' i jazyk. M.: Labirint, 2007. 256 s.
10. *Semenova S. Ju.* O nekotoryh svojstvah imen prostranstvennyh razmerov // *Logicheskij analiz jazyka*. Jazyki prostranstv / Otv. red. N. D. Arutjunova, I. B. Levontina. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 2000. S. 117–126.
11. *Stolin V. V.* Issledovanija porozhdenija zritel'nogo prostranstvennogo obraza // *Vosprijatie i dejatel'nost'* / Pod red. prof. A. N. Leont'eva. M.: Izd-vo MGU, 1976. S. 101–208.
12. *Mills A. D.* Dictionary of English Place Names. Oxford: OUP, 2003. 533 p.

Ю. А. Попова

**ПАРАДОКСЫ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ
В ПУБЛИЦИСТИКЕ Н. М. КАРАМЗИНА
И «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

Статья посвящена анализу своеобразного и открыто заявленного в печати решения вопроса о форме правления, о причинах и результатах использования парадокса для преодоления противоречий в общественной мысли второй половины XVIII — XIX вв.

Ключевые слова: авторская позиция, парадокс, публицистика, национальная самобытность, европеизация, «славянская» идея.

Yu. Popova

**PARADOXES OF AUTHOR'S CONSCIOUSNESS
IN THE POLITICAL ESSAYS OF N. M. KARAMZIN
AND IN WRITER'S DIARY OF F. M. DOSTOEVSKY**

The article analyzes the solution of issue of the form of government, the reasons and the results of using the paradox for overcoming of contradictions in the social thought of second half of XVIII — XIX centuries.

Keywords: author's position, paradox, political essays, national peculiarities, «Slavic» idea.

Мировоззрение Н. М. Карамзина привлекло пристальное внимание литературоведов, историков и философов. Созданная им концепция обустройства страны формировалась в течение всей жизни и стала источником жарких споров. Стремление воплотить «любимые парадоксы», как характеризовал его взгляды А. С. Пушкин, обусловило подготовку и выпуск «Московского журнала» (1791–1792), альманаха «Аглая» (1794, 1795) и «Вестника Европы»

(1802–1803) (цит. по: [6, с. 294]). Оригинальность идеологической системы Карамзина, выходящая за рамки какого-либо направления, выразилась в «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811), в которой предвосхищались поиски редактора журналов «Время» (1861–1863) и «Эпоха» (1864–1865). Актуальным представляется сравнение двух точек зрения, выявление предпосылок жанрово-стилистического

эксперимента, начатого Карамзиным и завершенного в «Дневнике писателя» (1873–1881) Ф. М. Достоевского.

Интерес к парадоксу (от греч. «противоречащий обычному мнению») в публицистике был закономерен. Краткость сблизила его с афоризмом, острота — с каламбуром. Несовпадение вывода с посылкой придавало неожиданность и смелость — свойства, которые отличали суждения Карамзина и Достоевского и помогли использовать парадокс в качестве речевой фигуры.

Мировоззрение Карамзина складывалось в кружке Н. И. Новикова, под руководством которого юный редактор жадно поглощал труды просветителей и выпускал еженедельник «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789). Позже в статье «Нечто о науках, искусствах и просвещении», напечатанной в первом томе «Аглаи», обличались невежды, которые приняли «парадоксы» Руссо за «истины». Вернувшись из заграничного путешествия и попав в гущу революционных событий 1789–1794 годов, Карамзин удивил публику педантизмом и склонностью к многочасовым разговорам, словно предчувствуя манеру известного парадоксалиста О. Уайльда. Однако вскоре ему удалось сформировать значительный круг читателей, создав первый в стране литературно-критический журнал. Тем самым осуществилась давняя мечта Карамзина.

Слово «журнал» (от фр. *journal* — «ежедневник», от корня *jour* — «день») имело два значения. Ю. М. Лотман так раскрывает характер издания: «Одно значило то же, что дневник, другое, означая во французском языке газету, стало называть периодическое издание журнального типа. "Московский журнал" был построен исключительно искусно: несмотря на обилие материалов, он воспринимается как единый монолог издателя... С одной стороны, разнообразие достигается умелой смесью разных жанров и интонаций повествования. С дру-

гой, что еще важнее, Карамзин сознательно подбирал материалы так, чтобы образовывались противоречия во мнениях и точках зрения» [4, с. 211].

Цензурные запреты во многом обусловили закрытие «Московского журнала». Якобинская диктатура во Франции и усиление реакции в России повлекли изменение карамзинских взглядов. Ослабление контроля в царствование Александра I дало возможность продолжить открытое обсуждение отечественного устройства в печати. В качестве яркого и талантливого публициста Карамзину удалось вновь привлечь внимание русского общества. Отличительной чертой его стиля, окончательно сложившегося в этот период, стала парадоксальность.

«Поздравляю тебя с новым титулом *политика*; надеюсь только, что эта часть журнала, ко счастию Европы, будет не весьма богата и любопытна, — заключалось "Письмо к издателю" в первом номере. — Что для кисти Вернетовой буря, то для политика гибель и бедствие государств. Народ бежит слушать его, когда он, сидя на своем трезубце, описывает раздоры властей, движение войска, громы сражений и стон миллионов; но когда громы умолкнут, все помирятся и все затихнет; тогда народ, сказав: "Комедия окончена!", идет домой и журналист остается один с листами своими!» [3, с. 117].

Отмечая, что Карамзин «дерзает иметь собственное о вещах мнение», Андрей Тургенев подтвердил мастерское умение достичь объективности за счет цитирования разных, часто противоположных изданий (цит. по: [4, с. 775]). Рисуя во «Всеобщем обозрении» (1802, № 1) картину «*революционной войны*» 1790–1800 годов, редактор «Вестника Европы» сопоставил мирную Швецию с Францией, «где воспылали первые искры мятежа». Парадокс состоял в том, что границы обеих держав сохранились, а оказавшийся на троне Наполеон мог оправдать «благодарственные

письма» соотечественников, лишь восстановив монархию.

В обзоре «О похитителях» и в статье «О падении Швейцарии» (1802, № 15 и № 20) Карамзин заявил об опасности тирании во Франции и выступил в защиту республики. Однако эта форма правления представлялась ему практически не достижимой и ставилась в зависимость от состояния нравов. В «Обзрении прошедшего года», переведенном с немецкого языка, и обзоре «Известия и замечания» (1803, № 3 и № 19) в форме парадокса прогнозировалось дальнейшее нарастание напряженности («Люди хотят мира, — сказал философ Кант, — но природа говорит им *деритесь!* Они слушаются природы»).

В статье «О любви к отечеству и народной гордости» (1802, № 4) автор обращался к согражданам: «Я не смею думать, чтобы у нас в России было не много патриотов; но мне кажется, что мы излишне *смиранны* в мыслях о народном своем достоинстве — а смирение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут. Не говорю, чтобы любовь к отечеству долженствовала ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; но русский должен по крайней мере знать цену свою. Согласимся, что некоторые народы нас просвещеннее: ибо обстоятельства были для них счастливее; но почувствуем же и все благодеяния судьбы в рассуждении народа российского; станем смело наряду с другими, скажем ясно имя свое и повторим его с благородною гордостью» [3, с. 226].

Публицистика включалась в оба отдела «Вестника Европы», ставшего первым общественно-политическим ежемесячником. Элементы рецензии, окончательно сформированной на страницах «Московского журнала», статьи и обзрения — жанра, основанного, как предполагает В. Г. Березина, Карамзиным, — сложились в единое целое в творчестве Достоевского [1, с. 79]. Сочетание двух типов журнала помогло

увеличить аудиторию и заинтересовать ее темами морали и политики. Герой-повествователь, скрытый под «маской» в альманахе «Аглая», сменился авторским «я» в «Дневнике писателя».

Возвращение Достоевского к карамзинским парадоксам оправдывалось историческими условиями. Отмена крепостного права вызвала в обществе надежды на продолжение реформ Александром II. Страдание непонятости заставило его, как предполагает А. Труайя, приступить к редактированию журналов «Время» и «Эпоха» [5, с. 227]. Попытки примирить «славянофилов» и «западников», столкновение которых предугадывал Карамзин, и предложить иной, отличный от революционного путь преобразований продолжились в «Гражданине» (1873). Вскоре «Дневник писателя» превратился из рубрики в отдельное издание, которое публиковалось, исключая двухлетний перерыв — с 1876 до 1881 года, и отразило выход редактора за границы почвенничества.

Каторга и ссылка обусловили идейно-художественную эволюцию Достоевского и сближение с Карамзиным. Если во «Времени» и «Эпохе» предшественник в пылу полемики упоминался как сторонник противоположных лагерей, то в «Дневнике писателя» предстал в образе автора «Писем русского путешественника» (1791–1801) и «Истории государства Российского» (1804–1826). Сущность масштабного труда Карамзина в концентрированном виде передавалась в «Записке» 1811 года. Призвание варягов оценивалось в ней как результат движения России и Европы в направлении, заданном падением Древнего Рима.

Под пером Карамзина возникновение государства обрело провиденциальный смысл. «Романтическая страсть» первых князей к завоеваниям и «единовластие», ими основанное, подготовили возникновение не только крупного, но и самого образованного государства, а раздоры — едва не обрекли на гибель. С помощью парадок-

са публицист доказывал несовместимость «рабства политического» и «гражданской вольности», оценивал возвышение Москвы и уничтожение новгородского вече как предпосылку освобождения от татаро-монгольского нашествия.

С удивлением, смешанным с болью, Карамзин описывал покорность жителей страны во время опричнины. Иван Грозный сравнивался с Павлом I, который «заставил ненавидеть злоупотребления» самовластия и сделал то же, что «якобинцы в отношении к республикам». Автор назвал «вредным» заговор 11 марта 1801 года. Как и в моменты свержения Анны Иоанновны и Петра III, самодержавие могло стать «игралом олигархии», что неминуемо привело бы страну к повторению Смуты. Кульминацией «Записки» был эпизод венчания на царство Михаила Романова, получившего власть на Земском соборе 1611 года. Видя в деятельности его потомка, Петра I, условия для разделения сословий, Карамзин призывал придерживаться «правил, мыслей народных» в осуществлении реформ и лично прочитал «Записку» Александру I.

Мысль о высоком предназначении Отечества переросла в сознании Достоевского в идею спасения путем распространения христианства. В вере ему виделся залог освобождения человека, приобретающего ответственность. Негодование публициста вызвала потребность «лепиться» на мировой сцене в качестве «великой державы», что «нам слишком дорого обходится — гораздо дороже, чем другим» («Мечты и грезы», 1873). Напротив, России предназначалось сказать миру «милосердное слово». Особое значение в этой связи придавалось способности к покаянию как черте национального характера («Очнется Влас и возьмет за дело Божие»).

Склонность к иронии, свойственная ранним фельетонам Достоевского, воплотилась в «Дневнике писателя» в образе

«парадоксалиста», диалоги с которым придавали разоблачительно-философский оттенок рассуждениям. В статье «Мы в Европе лишь стрюцкие» (1877) высмеивалось подражание Западу, при котором «самые белые из русских становились... тотчас же красными». Достоевский готов был отказаться от цивилизации, если не прекратится «сдирание кож» с болгар, и откликнулся на события 1875–1876 годов, вызвавшие общественный подъем: «Но что же такое эта "славянская идея в высшем смысле ее"? Всем стало ясно, что это такое: это, прежде всего, то есть прежде всяких толкований исторических, политических и проч., — есть жертва, потребность жертвы даже собою за братьев, и чувство добровольного долга сильнейшему из славянских племен заступиться за слабого, с тем, чтоб, уравнивая его с собою в свободе и политической независимости, тем самым основать впредь всеславянское великое единение во имя Христовой истины, то есть на пользу, любовь и службу всему человечеству, на защиту всех слабых и угнетенных в мире» [2, с. 310].

Таким образом, особенности авторской позиции и условия ее появления определили обращение Карамзина и Достоевского к парадоксу. Очевидец революции, Карамзин одинаково отрицательно относился к анархии и деспотизму. Идеи мира и реформ, провести которые предназначалось монарху, связали обозрения и статьи в «Вестнике Европы» с «Запиской» 1811 года. Признание национальной самобытности переросло в мысль Достоевского о значении России как носительницы Православия, возвращающего веру в Божественный характер истории. Уникальная жанрово-стилистическая структура «Дневника писателя» и образ «парадоксалиста», воплотивший противоречия действительности, свидетельствовали о переходе от публицистики к литературе и следовании карамзинской традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березина В. Г. Белинский и вопросы истории русской журналистики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. 144 с.
2. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М.: Советский писатель, 1984. 380 с.
3. Карамзин Н. М. Соч.: В 2 т. Т. 2. Критика. Публицистика. Главы из «Истории государства Российского». Л.: Худ. лит., 1984. 456 с.
4. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 832 с.
5. Труайя А. Федор Достоевский. М.: Эксмо, 2007. 480 с.
6. Эйдельман Н. Я. Карамзин и Пушкин: Из истории взаимоотношений // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкин. дом). Л.: Наука, 1986. 176 с.

REFERENCES

1. Berezina V. G. Belinskij i voprosy istorii russkoj zhurnalistiki. L.: Izd-vo LGU, 1973. 144 s.
2. Dostoevskij F. M. Dnevnik pisatelja. M.: Sovetskij pisatel', 1984. 380 s.
3. Karamzin N. M. Soch.: V 2 t. T. 2. Kritika. Publitsistika. Glavy iz «Istorii gosudarstva Rossijskogo». L.: Hud. lit., 1984. 456 s.
4. Lotman Ju. M. Sotvorenje Karamzina. M.: Kniga, 1987. 832 s.
5. Trujaja A. Fedor Dostoevskij. M.: Eksmo, 2007. 480 s.
6. Ejdel'man N. Ja. Karamzin i Pushkin: Iz istorii vzaimootnoshenij // Pushkin: Issledovanija i materialy / AN SSSR. In-t russkoj literatury (Pushkin. Dom). L.: Nauka, 1986. 176 s.

E. B. Соловьева

РЕЧЕВОЙ АКТ ВОЗМУЩЕНИЯ КАК СРЕДСТВО САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на примере текстов дебатов в Бундестаге)

Выявляются особенности функционирования речевого акта возмущения как средства самопрезентации говорящего в немецкоязычном политическом дискурсе. Устанавливается частотность использования немецкими политиками определенных тактик при реализации стратегии самопрезентации и зависимость употребления говорящим языковых средств от типа выбранной речевой тактики.

Ключевые слова: речевой акт возмущения, коммуникативная стратегия, речевая тактика, самопрезентация.

E. Solovyeva

SPEECH ACT OF INDIGNATION AS A MEANS OF SELF-PRESENTATION IN THE POLITICAL DISCOURSE (based on texts of debate in Bundestag)

The functional characteristics of the speech act of indignation as a means of self-presentation in the German discourse are revealed. The frequency of using certain self-presentation tactics by German politicians is identified and dependence of using language means on the type of the tactics is determined.

Keywords: speech act of indignation, speech strategy, speech tactics, self-presentation.